

Гэй Тализ

Фрэнк Синатра
простудился
и другие истории

*Перевод с английского
Ирины Заславской и Леонида Мотылева*

Individuum

2024

УДК 82-43
ББК 84стд1-46
Т16

Тализ, Гэй.

Т16 Фрэнк Синатра простудился и другие истории/ Гэй Тализ; [пер. с английского И. Заславской, Л. Мотылева]. — Москва : Individuum, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-907696-49-5

Однажды Гэй Тализ приехал брать интервью у Фрэнка Синатры, но из-за простуды певец поговорить с ним не смог. Тогда журналист пообщался с множеством знакомых Синатры и сдал в «Esquire» ставший легендарным очерк, название которого вынесено в заглавие этого сборника. Тализ — икона американской журналистики 1960-х — 1970-х годов, он задал золотой стандарт репортерской работы на десятилетия вперед. В своих текстах для «Esquire», «The New Yorker» и «The New York Times» Тализ вывел на принципиально новый уровень искусство написания статей и с фотографической точностью запечатлел эпоху бурных перемен.

В первый сборник Гэя Тализа на русском языке вошли знаковые очерки и репортажи, написанные на протяжении полувека: с 1960-х по 2010-е. Мировые знаменитости в диапазоне от Синатры до Леди Гаги, мафиози «коза ностры», коллеги-журналисты с их неумным зудом писать — о ком бы ни рассказывал Тализ, он пишет степенно и размашисто, создавая обстоятельную и яркую хронику человеческой жизни.

УДК 82-43
ББК 84стд1-46

The Kidnapping of Joe Bonanno, A Matter of Fantasy, Frank Sinatra Has a Cold, On Writing «Frank Sinatra Has a Cold», The Kingdoms, the Powers, and the Glories of the New York Times, The Kingdom and the Tower, High Notes
Copyright © 2017 by Gay Talese
Originally published as a part of High Notes: Selected Writings of Gay Talese

The Kick She Missed
Copyright © 2010 by Gay Talese
Originally published as a part of The Silent Season of a Hero.

Peter O'Toole on the Ould Sod
Copyright © 1963 by Gay Talese
Originally published as a part of The Gay Talese Reader: Portraits and Encounters.

The Brave Tailors of Maida
Copyright © 1989 by Gay Talese
Originally published as a part of The Gay Talese Reader: Portraits and Encounters.

All rights reserved.

ISBN 978-5-907696-49-5

© И. Заславская, Л. Мотылев, перевод, 2024
© ООО «Индивидуум Принт», 2024

Содержание

Самый медленный лифт в Нью-Йорке 7

Фрэнк Синатра простудился 23

О том, как был написан очерк
«Фрэнк Синатра простудился» 73

Дело фантазии 87

Высокие ноты 135

О'Тул на родной земле 151

Похищение Джо Бонанно 171

Царство, сила и слава «The New York Times» 237

Оплот в новой башне 313

Ее незабитый пенальти 321

Храбрые портняжки из Маиды 333

Благодарности 349

Самый медленный лифт в Нью-Йорке

Предисловие
Егора Мостовщикова

Писатель Гэй Тализ, стоя на первом этаже нью-йоркского Hunter College, увлеченно ругается на лифт, который никак не заберет его читать лекцию студентам факультета журналистики. Он нетерпеливо крутится на месте, снова и снова раздраженно нажимает на кнопку и осматривается по сторонам. Проплывающие мимо задерживают на нем взгляд: роскошный седовласый старик, высокий и подтянутый, в дорогом костюме-тройке — сегодня на нем сшитый на заказ темно-зеленый твидовый пиджак, сорочка в полоску, золотистый галстук, кремовый жилет, запонки, тренч и шляпа-федора, одна из 60 в его коллекции. Он выделяется на общем фоне растянутых худи и клубных бомберов, и именно в этом его секрет. Прямо сейчас ему нужна информация, и неизменный денди-прикид, как обычно, ему в этом поможет. Тализ обращает взор на молодую девушку, терпеливо ждущую лифт в углу.

— Вы студентка? — без предупреждения насаждает на нее писатель. Девушка, будто выйдя из оцепенения, лишь молча кивает. — Да? Вы здесь учитесь? — Она продолжает кивать. — Это единственный лифт в этом здании? Вы когда-нибудь им пользовались? Он вообще работает? Точно? Почему он так долго едет? Он всегда так долго ездит?

Тализ возмущен: в этом великом городе, где лифты разгоняются до тридцати шести с половиной километров в час, ему достался самый медленный. В коридоре становится совсем тесно — к нам присоединяется медик пожарной службы с двумя огромными красными мешками. Тализ переключает внимание и немедленно заводит разговор — к моменту, когда двери кабины наконец открываются, он уже знает имя пожарного, зачем нужны мешки (в них мобильные аппараты для тренировки сердечно-легочной реанимации) и где пройдет демонстрация. Если бы этот чертов лифт застрял, Тализ смог бы написать про пожарного текст, но мы благополучно добираемся до нужного этажа. Писателю нужно читать лекцию.

Ведущий вечера, представляя Гэя Тализа публике, сразу же оговаривается — конечно же, наш гость не нуждается в представлении; вы и так прекрасно знаете, кто это. В зале народа немного, но все исключительно самоотверженно кивают. Тализ — живая легенда, человек, который в 1960-е создал «новую журналистику», предполагающую радикальный подход к материалам: вместо сухого инфостилля — приемы, заимствованные из большой литературы: сцены, диалоги, описания, внутренний монолог, переключение между первым и третьим лицами. Его документальные тексты и книги до сих пор изучают во всем мире (удивительно, но эта книга — первый сборник его работ на русском языке; в России Тализ пока неизвестен). Один из последних живых гигантов американской нон-фикшн-прозы прошлого столетия, он вдохновил людей, которых принято считать образцовыми литераторами и репортерами: Нормана Мейлера, Трумана Капоте, Джоан Дидион, Джорджа Плимптона, Джину Стайн, Терри Саузерна и других. Он тратит десятилетие на сбор материала для каждой новой книги — и умудряется залезть к своим персонажам в голову, под кожу, изучить их насквозь.

Представляя Тализа, ведущий опускает важные, но не самые приятные детали — перед студентами стоит проклятая звезда американской журналистики, человек, чья харизма обезоруживает, но чьи книги вызвали множество скандалов. В феврале 2024 года Тализ отпраздновал 92-летие, и сегодня он, как пишет «Paris Review», занимает уникальное место, оставаясь одновременно легендарным и непонятым. Его нон-фикшн «Чти отца своего» лег в основу сериала «Клан Сопрано». Из-за книги «Жена твоего соседа», ради которой он несколько лет управлял салоном эротического массажа и посещал свингерские колонии во время секс-революции 1970-х, его отменили и на время бросила жена. А портретный очерк «Фрэнк Синатра простудился», для которого он так и не смог поговорить со знаменитым певцом, уже полвека называют лучшим журнальным текстом в истории.

Тализ от всех этих регалий только отмахивается — ему никогда не нравилось прозвище «Отец новой журналистики», которым его наградил друг и писатель Том Вулф, ему плевать на почести, плевать на проклятия — по крайней мере, он так заверяет. Тализ во все это ввязался, чтобы рассказывать истории обычных людей и их неудач, и сегодня он ответит на любые вопросы из зала — конечно же, сведя все к нескольким истинам, которые он из раза в раз повторяет во всех беседах, выступлениях и интервью. Первая истина — он с детства изолирован от других, всю жизнь был и остается аутсайдером, который знает, что у каждого есть история, и ему важно ее вытащить — потому что если он не расскажет эти истории, их не расскажет никто. Вторая — он умеет доставать из людей эти истории, потому что родился в семье портного-эмигранта, вырос в ателье, и это научило его всё слышать и хорошо одеваться, что позволяет разговаривать с кем угодно. Третья — в своей работе он всегда щепетильно ищет ответ на один простой вопрос: каково быть вами? Как вы справляетесь с вашими неудачами,

проигрышами, тем, что вас презирают или неверно поняли? Чем вы это компенсируете? «Большинство людей поглощены только собой», — сказал мне как-то Тализ — «Они никогда не подумают о вас. Но я подумаю».

Гэй родился 7 февраля 1932 в Оушен-Сити, штат Нью-Джерси, в семье итальянских эмигрантов. Родной город он запомнил консервативным, протестантским и правым: алкоголь под запретом, на океанский пляж нельзя выйти без рубашки, все подчинено религиозным порядкам, на улицах действует ячейка Ку-Клукс-Клана. Именно здесь Тализ сформировался как рассказчик, убежденный, что долг автора — искать маленькие истории и видеть за ними большой контекст. Он и сам вырос на фоне большого контекста: шла Вторая мировая война, папины братья воевали в Италии в армии Муссолини, а патристическое, преимущественно ирландское население Оушен-сити малочисленных итальянцев ненавидело и относилось как к грязи. К тому же далекая война пронизывала каждодневный быт: товары продавались по талонам, юноши уходили на фронт, а фонари на променадах покрасили черным цветом, чтобы их не было видно с немецких подлодок, которые в 1942 году добрались до американских территориальных вод. В социальной изолированности, во взрослении внутри меньшинства, в отчужденности Тализ нашел свою суперсилу — стал наблюдателем, который жадно ищет истории потерь и неудач.

Его семья держала магазин женской одежды и ателье мужских костюмов, которые Тализы открыли с двух сторон выкупленного ими здания разорившейся местной газеты на главной улице города. Жили там же, на втором этаже — Тализ до сих пор помнит высокие офисные ступеньки и комнаты, где раньше стояли огромные наборные станки. Каждый день после уроков в католической школе Гэй помогал папе и маме в их

магазинах и слушал. К маме за красивыми платьями приходили взрослые обеспеченные дамы: жены владельцев и дилеров автоцентров, чиновников, директоров школ и предприятий. Сами мужчины шли к папе. Они слонялись по городу, заходили на примерку и рассказывали про свою жизнь — переживания, неудачи, открытия, сплетни.

Тализ говорит, что освоил жанр интервью, наблюдая за мамой и ее общением с клиентами — научился у нее слушать заботливо, с терпением, принятием и почтением. И — не перебивать, когда люди не могут объясниться, потому что именно в такие моменты они лучше всего раскрываются: паузы, заминки, переключения темы могут рассказать больше любых слов. В сфере обслуживания, объясняет он, всегда есть элемент определенного раболепия — даже если с тобой общаются не слишком любезно, ты должен быть исключительно вежлив, потому что эти люди дают тебе деньги. Это были уроки от мамы, бизнесвумен, которая содержала семью — папа был художником, творил и не умел продавать. Но у него Гэй научился быть портным — работая не с тканями, но с фактурой, сшивать реальные истории так, чтобы они читались как единое литературное произведение — журналистский рассказ. Тализ так и говорит: «Как журналист я портной».

В журналистику он попал еще будучи учеником колледжа, по дурацкому стечению обстоятельств — решил выслужиться перед тренером по бейсболу, чтобы его чаще выпускали со скамьи запасных, и подвизался диктовать местной газете «Ocean City Sentinel-Ledger» по телефону сводки со школьных матчей — чистая формальность, пара строчек. Но такая работа быстро наскучила, и подросток стал отправлять в газету напечатанные на машинке авторские отчеты; после седьмого текста ему предложили вести еженедельную спортивную колонку, к окончанию колледжа он напечатал 311 текстов. В них уже тогда проглядывался стиль Тализа — полное отсутствие

интереса к самой новости и фокус на человеческих поступках и переживаниях, драме и проигрыше.

Гэй уехал учиться в университет Алабамы на журналиста; стал спортивным редактором кампусной газеты «The Crimson White» и завел колонку «Sports Gay-zing». После университета перебрался в Нью-Йорк и нахрапом устроился мальчиком на побегушках в «The New York Times». Газета привела его в восторг: огромный улей из нескольких сотен курящих и стучащих по печатным машинкам журналистов, суета, шум, разговоры и лифты — гораздо быстрее, чем в Hunter College. В 21 год он опубликовал свой первый текст в газете: зарисовку про коллегу, который отвечал за отбор и трансляцию заголовков на здании редакции. Вскоре Тализа забрали в армию и отправили на военную базу Форт-Нокс в Кентукки. В танковых войсках быстро поняли, что в строю от него не будет никакого толка и перевели в армейскую газету «Внутри танковой башни» («Inside Turret»). Вскоре он завел собственную колонку — «Секреты Форт-Нокса». Через два года, вернувшись со службы, он восстановился в «The New York Times» как спортивный журналист и написал сотни текстов — про одного только боксера Флойда Паттерсона опубликовал 38 коротких зарисовок.

Но чрезмерная скрупулезность и нежелание работать в новостном темпе привели к тому, что Тализа в «The New York Times» переводили из отдела в отдел, пока он на год не застрял в ссылке в отделе некрологов — там ему не давали писать больше нескольких абзацев. Для Тализа это была настоящая пытка: он хотел делать крупную журналистскую прозу, рассказывать истории, которые живут годы, десятилетия, а не день, как обычная новость, говорить про людей, которые обделены вниманием прессы, а не бежать за инфоповодами — ведь все новости сводятся к тому, что кто-то что-то сказал и кто-то как-то на это отреагировал. Или просто умер.

Несмотря на страсть рассказывать истории, писать ему всегда было невыносимо сложно. Гэй сравнивает работу над текстами с попыткой вывести камень из почки (очень больно) или поездкой за рулем грузовика, в ночи, на большой скорости, без включенных фар (сбиваешься с пути, проваливаешься в кювет, следующие десять лет торчишь там грязный и воняешь). Но для Тализа как католика ничто, не оплаченное страданием, ценности не представляет.

После армии он поселился в многоквартирном четырехэтажном доме на Лексингтон-Авеню, в трех минутах ходьбы от Центрального парка. В 1959 году женился на книжной издательнице Нэн Тализ (в девичестве — Эйхерн), с которой они до сих пор вместе. Постепенно Тализы целиком выкупили весь дом и живут в нем и по сей день. Здесь же, в просторной гостиной, я познакомился с Тализом в апреле 2014 года, во время моей первой поездки в США. Я тогда еще работал журналистом, писал большие истории в издания, которых сейчас уже нет, и читал немногочисленные очерки Тализа, доступные тогда в интернете. Когда я с удивлением осознал, что Гэй еще жив и продолжает работать, то нашел его e-mail, написал письмо и предложил встретиться — ни на что особенно не рассчитывая. Он мгновенно ответил — сказал, что неважно себя чувствует из-за легкого кишечного гриппа, поэтому может только пригласить в гости на час.

Никогда я не чувствовал себя глупее, чем когда стоял под дверью у Тализов с тремя картонными стаканчиками кофе в капхолдере — надо ведь было что-то принести, но что нести незнакомым людям, никогда не поймешь. Тализ открыл дверь — как всегда в костюме с иголки — задержал на станах снисходительно-непонимающий взгляд, спросил, что это такое, и велел оставить презент где-нибудь в углу, чтобы никогда к нему не притронуться. Мы уселись в кресла, Тализ достал из внутреннего кармана ручку и стопку узких картон-

ных карточек, которые он вырезает из плечиков для рубашек из химчистки, и стал записывать туда мои ответы на пуле-метную очередь вопросов. Кто я? Откуда я? Чем я занимаюсь? Сколько я зарабатываю? Кто оплачивает мое жилье в Москве? Я живу один или с родителями, или с близким человеком? Мы вместе оплачиваем жилье? Как зовут родителей? Чем они занимаются? Сколько у меня братьев и сестер? Чем они занимаются? Они живут одни? Они сами оплачивают свое жилье? Я что, Боб Дилан? Нет? А почему я одеваюсь, как Боб Дилан? Почему я в кедах?! Где мой костюм? У меня есть костюм? У меня должен быть костюм, если я хочу быть журналистом и рассказывать истории. Дорогой костюм — пропуск в мир историй. Часовая встреча переросла в ужин в одном из соседних ресторанов (каждый день Тализы обязательно ходят пропустить пару коктейлей и посмотреть на людей), ужин — в дружбу и десятилетнюю переписку.

Каждый раз, когда я приезжаю в Нью-Йорк, обязательно вижу с Тализом, обсуждаю журналистику и выслушиваю комментарии про свой внешний вид. Идея опубликовать его работы на русском появилась у меня почти сразу после знакомства, название и сцены для этого предисловия я записал в декабре 2014 года, во время третьей поездки в Штаты, когда Тализ пригласил меня посетить с ним лекцию в Hunter College, к работе над книгой за эти годы приложило руку под два десятка человек. Но бесконечных сложностей и препон, с которыми столкнулась эта затея, хватило бы на отдельный текст. Скажу лишь, что каждый раз, как я говорил себе, что хочу напечатать книгу, немедленно случалась какая-нибудь катастрофа — так, все очерки были целиком переведены еще в 2019 году, прямо накануне пандемии, но выходят только сейчас, в издательстве Individuum, которое взялось вместе со мной довести этот многолетний проект до конца, за что мы с Тализом невероятно признательны.

Все эти годы Тализ продолжает работать и каждый день соблюдает строгую дисциплину. Просыпается в спальне на третьем этаже, не произносит ни слова и не здоровается с Нэн, молча поднимается в гардеробную на четвертом этаже, надевает свежую хрустящую сорочку, костюм-тройку, галстук, запонки, выходит из дома и спускается по ступенькам в свой подвал — бывший винный погреб, который он называет Бункер. В продолговатом Бункере больше метров, чем в обычной квартире на Манхэттене, нет окон, зато есть маленькая ванная, кухонька, несколько диванов, два огромных письменных стола, печатная машинка, гигантский и древний монитор Apple, стулья и шкафы, забитые коробками под потолок — архив Тализа. Писатель переодевается в удобный кашемировый свитер и шарф или шейный платок и делает себе легкий завтрак — апельсиновый сок, кофе, маффины. Осматривает свой архив: в каждой коробке — коллекция папок с фотографиями, материалами, результатами ресерча, выдержками и вырезками из книг и статей, планами текстов и детальными заметками о всех прошедших днях. Каждый вечер перед сном Тализ просматривает записи на картонных карточках, если в этот день вел их, или вспоминает все, что с ним случилось, и записывает все на печатной машинке: с кем он виделся и говорил, где, когда и во сколько, сколько стоил ужин, кто во что был одет, что он подумал и приметил, как звали людей вокруг, кто что делал, какая была погода, адреса, детали, нюансы, как прошло интервью (если оно было), что герой говорил, а о чем умолчал. И подшивает наборные записи в архив. Дни организованы в недели, месяцы, годы. Он может в любой момент вернуться в прошлое и детально описать увиденное несколько десятилетий назад. Каждая коробочка заклеена фотографиями, картинками, журнальными и газетными полосами — это тематический коллаж, который Тализ вырезает, когда думает над историей и тем, как он будет сшивать воедино ткань текста.

Он проводит в Бункере добрую часть дня, выбирается домой на обед, а вечером — без исключений — светский выход в ресторан. В Бункере Тализ написал все свои главные тексты — журнальные очерки, на которые он переключился с газетной работы, и книги.

В 1964 году он опубликовал нон-фикшн роман «Мост» («The Bridge») — историю строительства одного из крупнейших в мире висячих мостов, Веррацано-Нарроус, соединяющий Бруклин и Статен-Айленд. В 1995-м ушел из «The New York Times» и так и остается до сих пор фрилансером. Еще в 1966 году, когда ему было 34 года, Тализ опубликовал в «Esquire» три своих самых известных портретных очерка. «Молчаливый сезон героя» — про Джо Ди Маджо, великого бейсболиста и бывшего мужа Мэрилин Монро (не вошел в этот сборник). «Господин Плохие новости», который Тализ называет своим лучшим текстом, — про автора некрологов Алдена Уитмена; это его единственная работа, которая прежде была опубликована на русском языке — в номере российского журнала «Esquire» (был такой), посвященном его 10-летию, при моем участии. Наконец, «Фрэнк Синатра простудился» — профайл, для которого Тализ поговорил с двумя сотнями людей, но так и не смог обмолвиться даже словом с самим певцом.

В этом сборнике есть подробный рассказ Тализа о работе над материалом про Синатру, но он не упоминает, что вообще-то не хотел про него писать — он и так был большой звездой, про которую пресса говорила каждый день. Но спорить с редактором, бывшим морпехом, Гэй не стал и отправился в командировку в Лос-Анджелес. Сегодня он заверяет, что секрет его прославленного текста прост: он смог увидеть во влиятельной суперзвезде, окруженной несметной свитой, обычного уставшего человека, у которого есть свои неудачи и слабости.

Не считая сборников эссе и профайлов, Гэй Тализ написал девять книг; в это издание вошли выдержки из большей

их части, так что у читателя есть возможность как следует познакомиться с Тализом. Очерки «Царство, сила и слава The New York Times» и «Оплот в новой башне» взяты из «Царства и силы» («The Kingdom and the Power», 1969), книги об истории и влиянии знаменитой газеты. Из бестселлера «Чти отца своего» («Honor Thy Father», 1971), посвященного жизни, будням и бизнесу бруклинского мафиозного клана Бонанно — текст «Похищение Джо Бонанно». Из скандальной «Жены твоего соседа» («Thy Neighbor's Wife», 1981) — очерк про владельца порно-Диснейленда Гарольда Рубина, «Дело фантазии». «Храбрые портняжки из Маиды» рассказывают смешную историю из жизни отца Тализа до эмиграции, когда он и его коллеги-портные смогли избежать смерти от рук мафиозо, которому Тализ-старший случайно испортил костюм; подробнее свои корни Тализ изучал в книге «К сыновьям» («Unto the sons», 1992). Из «Жизни писателя» («A Writer's Life», 2006) в настоящее издание вошел неопубликованный профайл «Ее незабитый пенальти» про китайскую футболистку Ли Ин.

В 2016 году Тализ опубликовал «Мотель вуайериста» («The Voyeur's Motel») — книгу про Джеральда Фуса, владельца мотеля, который 30 лет подглядывал, как его постояльцы занимаются сексом, и тщательно фиксировал свои наблюдения в журнале. На Netflix в том же 2016-м вышел документальный фильм «Voyeur» — команда несколько лет снимала Тализа и Фуса на последних этапах подготовки книги; публикация, однако, закончилась скандалом — журналисты The Washington Post подловили героя на вранье и подтасовке фактов. Тализ, хоть и упоминал не раз в «Мотеле вуайериста», что его герой — рассказчик не самый надежный, даже думал отказаться от продвижения книги, но не стал. А вот Стивен Спилберг и Сэм Мендес от планов снять экранизацию все-таки отказались.

В сентябре 2023 года Тализ выпустил новую книгу — «Бартлби и я: размышления старого писца» («Bartleby and

Me: Reflections of an Old Scrivener»); в него, помимо очерков прошлых лет, вошла новая история, которая занимала его сознание последние 17 лет — история доктора Николаса Барты. Барта, уроженец Румынии, бежал от коммунистического режима, который отнял у его семьи дом, добился успеха в Америке и купил себе четырехэтажное здание на Манхэттене — в соседнем квартале от Тализа. В 2006 году Барта взорвал себя вместе с домом, чтобы здание не досталось бывшей жене. Все эти годы Тализ собирал по крохам историю Барты, наблюдал за образовавшимся пустырем и людьми вокруг. Я даже смог немного помочь Тализу с ресерчем для этого текста: новыми владельцами земельного участка оказались выходцы из России, обвиненные в крупномасштабной коррупции и мошенничестве.

Работы Тализа примечательны не только тем, как они написаны, но и тем, как много он умудряется узнать про своих героев — он подбирается к ним максимально близко и говорит, что границы ему не нужны. Например, гангстеру Биллу Бонанно он писал четыре года и предлагал пообщаться, пока тот наконец не ответил — тогда писатель провел пять лет в тесном общении с Биллом и его семьей пять лет, и только после этого написал «Чти отца своего». «Это как ухаживания», — объясняет мне Тализ. — «Нужно не торопиться, вести себя хорошо и действовать осторожно, а не как обычный журналист-мудак, которому нужно просто перепихнуться по-быстрому ради короткой интрижки». По нынешнему курсу Тализ заработал на книге 8,1 миллиона долларов и большую часть гонорара положил в образовательный трастовый фонд, чтобы оплатить учебу своих двух дочерей, Памелы и Кэтрин, и четырех детей Билла Бонанно, — в результате все дети гангстера смогли построить карьеру не в криминале.

В свое время именно этот подход и привел к тому, что Гэя Тализа проклинали. Выход книги «Жена твоего соседа»

в 1981 году разделил его жизнь и карьеру на до и после: публикация принесла журналисту как самые большие деньги в его жизни, так и самый большой шквал критики, эхо которой звучит до сих пор. Десять лет Тализ собирал фактуру, погрузившись в дебри секс-революции. Он стал нудистом, посещал секс-вечеринки, оргии, секс-ретриты и секс-колонии, ежедневно бывал в салонах эротического массажа, а затем стал управляющим одного из них — чтобы лучше понимать своих героев и гостей. «Конечно же, я был в гуще событий! — восклицает он. — Ты же не думаешь, что я буду освещать оргию, сидя в каком-нибудь отдельном сраном боксе для представителей СМИ?! Да, внутри меня будто бы всегда есть два чувака, я такой персонаж-шизофреник: одновременно репортер, наблюдатель и участник, и всегда осматриваю комнату в поиске истории и как ее описать». Критики и феминистки обрушились на Тализа с убийственными обвинениями — в непозволительных способах сбора материала и неподобающем отношении к жене, которая ненавидела книгу «Жена твоего соседа» и разошлась с ним после ее выхода. Следующие десять лет Тализа не печатали в журналах, а его терапевт сказал ему, что он совершил литературное самоубийство. Он сбежал в Италию, залег на дно и изучал историю своей семьи — материал потом лег в основу книги «К сыновьям». С Нэн они вновь сошлись. Секрет долгого брака, говорит Гэй, в том, чтобы никогда не терять уважения друг к другу и иметь две отдельные ванны.

После лекции мы идем с Тализом обратно к злополучному лифту, и нас догоняет седой взлохмаченный мужчина. Он только успевает произнести: «Эй! Гэй!», и Тализ, увидев его, бросает: «О, нет! Егор, бежим, мы не будем ждать этот лифт!». Тализ резко дергается с места, неожиданно бодро добегают до пожарной лестницы и стремительно уносится вниз по ступенькам. Я — за ним, за нами — мужчина, кричащий «Гэй!

Гэй! Подожди! Ты меня помнишь? Гэй?!». Мы выбираемся на улицу, уже темно, где-то, как обычно в Нью-Йорке, орет полицейская сирена, из-под земли вырываются клубы пара, а прохожие озираются на Тализа.

Мы отрываемся от погони. Что это было? Кто этот человек? Тализ не хочет об этом говорить — и предлагает пойти поужинать. В ресторане он съедает стейк, салат, выпивает два мартини, пиво, полирует шариком ванильного мороженого, опрашивает людей за соседним столиком. Для него ресторан — театральная сцена, на которой он может наблюдать жизнь; примерно как магазин и ателье его родителей: место, где люди открываются, а он может завести с кем угодно беседу. «Я вуайерист. Я наблюдатель», — объясняет он мне. — «Я хочу знать все о людях, даже если они не считают себя интересными. На днях я видел на улице старую бездомную женщину. Мне нужно было спешить, и я не мог с ней поговорить. Какой она была 40, 50, 60 лет назад, когда была моложе? Она могла быть привлекательной, может быть, она работала в магазине, может быть, была замужем. Посмотри на нее сейчас! Она на улице, совершенно седая, даже не протягивает руки, у нее просто стаканчики стоят на тротуаре, и она сидит в мусоре напротив магазина. Может, мы бы смогли найти ее старую фотографию? Может быть, у нее была дочь, или любовник, или кто-то еще. Может быть, она раньше была репортером? Танцовщицей? Кто знает? Почему она в итоге оказалась здесь? Вот это истории».

Гэю Тализу 92 года, в ноябре 2024 года у него выходит новая книга, «A Town without Time», сборник его текстов про Нью-Йорк, который он давно прозвал городом незамеченного. Перед сдачей в печать книги «Фрэнк Синатра простудился и другие истории» я спросил у Тализа, что он думает по поводу того, что книга, которую мы придумали почти десять лет назад, наконец выходит. Он попросил передать следующее: «Я рад